

Дебютные работы

1-е место

Победитель конкурса 2005 г.

журнала «Экономическая социология» и ОИЦ «Con-text»

ПОЧЕМ ЭКЗАМЕН ДЛЯ НАРОДА? ЭТЮД О КОРРУПЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Титаев Кирилл Дмитриевич

Центр независимых социальных исследований и образования, г. Иркутск

E-mail: titaev-k@yandex.ru

О коррупции в России пишут много и со вкусом (пока в основном журналисты). Коррупция в высшем образовании — не исключение. В данной статье я никоим образом не претендую на широту охвата феномена, да и объем полевого материала располагает к выбору относительно узкого аспекта проблемы. Поэтому я попытаюсь дать ответ лишь на два вопроса: какую роль играет коррупция¹ в системе высшего образования г. Иркутска², и как относится к ней студент — один из основных игроков на этом поле (наряду с родителями, преподавателями и самим вузом как институтом³, представленным администрацией).

В современной научной литературе проблема коррупции в высшем образовании рассматривается не так часто, как хотелось бы; российская социология относительно молода, а для стран Западной Европы, в силу иных доминирующих образовательных моделей, данная тема практически не актуальна. Существуют, тем не менее, обзорные работы⁴, а также несколько специальных исследований⁵. Однако общим минусом имеющихся текстов остаются количественный подход и оценочный характер.

¹ Понимаемая максимально широко — как злоупотребление государственной (или корпоративной) властью с целью извлечения личной выгоды (см.: *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003. С. 2).

² У меня нет причин считать, что в других городах ситуация кардинально иная, но все исследование базируется только на иркутском полевого материале.

³ В качестве информантов привлекались все стороны, однако в данной работе феномен коррупции рассматривается в интерпретации студентов.

⁴ Коррупция в высшем образовании (обзор) // *Экономика образования*. 2003. № 2. С. 60–66; см. также: *Сатаров Г.* Коррупция в современной России: аналитический доклад // <http://www.indem.ru>.

⁵ *Рыбальская В.Я.* Коррупция в высших учебных заведениях: О результатах одного социологического исследования // *Организованная преступность и коррупция: Исследования, обзоры, информация*. 2000. № 1. С. 72–76; *Высшее образование в России: правила и реальность / Под ред. С.В. Шишкина; Независимый институт социальной политики*. М.: Информ-право, 2004. С. 137–207; *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 143–163. В последней работе интересующий нас феномен описывается, по моему мнению, вне широкого социального контекста.

Литературу, посвященную проблеме, в целом, можно условно разделить на три категории. Юридическая⁶ описывает механизмы ответственности за коррупционные действия. Политологические работы⁷ рассматривают явление «с высоты птичьего полета», не углубляясь в конкретные социальные механизмы, и преимущественное внимание в них уделяется противодействию коррупции.

Экономико-социологическая литература изучает коррупцию прежде всего как одно из явлений неформальной экономики. Здесь возможны два варианта. Во-первых, речь идет о форме «моральной экономики»⁸ – последняя, будучи построенной на человеческих отношениях, если и идет вразрез с действующими нормами права, то не воспринимается как нонсенс самими агентами интеракции и, главное, оставляет на том же рынке место для других экономических отношений⁹. Даже в рамках самих морально-экономических отношений моральная экономика допускает нарушения и невыполнение обязательств.

Во-вторых, коррупция анализируется в рамках теневой экономики – т.е. системы, работающей, в том числе, через механизмы социального принуждения¹⁰ и далеко не всегда «нормальной» для ее участников. Две упомянутых системы Г. Сатаров назвал, применительно к образовательным системам, «серой» и «черной» экономиками соответственно¹¹. В этой статье я предполагаю, что шаг от экономики моральной к теневой и есть, по сути, формирование рынка, который не становится менее привычным, но получает принуждающую силу и введение в оборот денег как всеобщего эквивалента. Предполагается, что моральная экономика присутствует в каждом институте, однако экономика теневая – далеко не всегда. Первой также ближе формы кумовства и семейственности (т.е. блат в области распределения рабочих мест и подобных ресурсов), а второй – скорее, денежные формы обращения или работа с непосредственными товарами, услугами и т.п.¹²

Современное российское высшее образование видится претерпевающим определенные трансформации: от поля, регулируемого, по сути, традицией (а не экономической целесообразностью) к полю, где правила игры задают уже только экономические механизмы, без оглядки на неденежные нормы и ценности – уже своего рода рынку. Идея рынка как явления, организующего социальное пространство, отнюдь не нова; в качестве примера можно привести идею рынка символической продукции, предложенную П. Бурдые¹³. Однако в данной работе я, вслед за В.В. Радаевым, понимаю рынок несколько уже – как

⁶ См., например: *Завидов Б.Д.* Взятничество. Уголовно-правовой анализ получения и дачи взятки (ст. 290 и 291 УК РФ). М.: ПРИОР, 2002.

⁷ Яркий пример – книга С. Роуз-Аккерман «Коррупция и государство».

⁸ Об этом понятии см.: *Скотт Дж.* Моральная экономика деревни // Неформальная экономика. Россия и мир // Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 541 и далее; см. также: *Шрадер Х.* Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 54. Дискуссию о различии моральной и теневой экономики на основе нересипрокности последней см. там же. С. 86–101.

⁹ Хотя они далеко не всегда существуют.

¹⁰ *Радаев В.В.* Неформальная экономика и неконтрактные отношения в российском бизнесе // Неформальная экономика. Россия и мир. С. 48.

¹¹ *Сатаров Г.* Коррупция в современной России.

¹² *Леденева А.* Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском пространстве // Неформальная экономика. Россия и мир. С. 111–120.

¹³ *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. №1/2.

экономическую систему, где саморегулирующийся механизм диктует правила взаимодействий¹⁴. Соответственно, основой рынка является знание о том, что покупаемое/продаваемое можно купить или продать – иначе говоря, всякий рынок должен быть институционализирован¹⁵. Первой стадией институционализации является опривычивание¹⁶, которому в рамках данной работы будет уделено особое внимание.

Мне бы очень не хотелось, чтобы эта статья была воспринята как алармистская и призывающая искоренить, очистить и т.д. и немедленно вернуть нам «самое прогрессивное в мире» советское высшее образование. Идет время, меняются социальные институты, и уж точно не задача социолога выставлять оценки за прошлое и давать ориентиры «искоренителям». Я придерживаюсь мнения, что коррупция – не только «социальная проблема», но феномен, заслуживающий изучения наравне с другими¹⁷, и я намереваюсь лишь описать его (и, возможно, показать его приблизительные масштабы).

Настоящий текст подготовлен по результатам трех исследований, каждое из которых имело прикладной характер, но тем не менее дало большое количество полевого материала¹⁸. Информацию, на которой базируется статья, можно разделить на три блока. Первый – 50 фокусированных интервью со студентами, абитуриентами, их родителями¹⁹, а также 10 экспертных интервью с преподавателями, которые были посвящены проблеме коррупции в вузах.

¹⁴ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 20.

¹⁵ В данном случае в смысле «разрешен».

¹⁶ Термин «опривычивание» (хабитуализация) понимается как оповседневивание практик, вписывание их в человеческую обыденность (см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1994. С. 89).

¹⁷ В понимании Р. Ленуара. См.: Социологический объект и социальная проблема // Начала практической социологии / Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. СПб.: Алетейя, 2001. С. 125.

¹⁸ Все исследования проводились на средства USAID, полученные по грантам фонда «Management System International» (Вашингтон, округ Колумбия) в рамках проектов «Противодействие коррупции в высшем образовании» и «Отношение к коррупции», реализованных в апреле – ноябре 2004 г.

¹⁹ Интервьюирование проводилось в Иркутске (42 человека) и четырех малых городах Иркутской области (8 человек). Было взято 20 интервью со студентами, столкнувшимися с коррупцией в процессе обучения; 20 – со студентами, которые встретились с коррупцией в ходе поступления, и с абитуриентами, уже решившимися на такой поступок; а также 10 интервью с родителями студентов и абитуриентов, столкнувшихся с коррупцией как при поступлении, так и при обучении. Сбор материала шел до уровня теоретической насыщенности выборки.

Второй блок – результат опроса²⁰, проведенного в Иркутске. Объект исследования – население избирательного возраста (лица, достигшие 18 лет и старше, постоянно проживающие в городе)²¹. Третий блок информации – результаты опроса студентов²².

В дальнейшем два названных массива количественных данных я буду именовать «большой» и «малый» опросы.

В первой части я бы хотел предложить читателю пройти вместе со мной *per aspera* полевого материала *ad astra* выводов. Эта часть посвящена описанию «вращения» коррупционных механизмов в систему высшего образования. Вторая же часть построена на количественных данных и имеет целью показать масштабы коррупционных интеракций в современном высшем образовании. Получается, что первая часть основана на анализе качественных данных, а вторая – количественных.

Я хотел бы выразить искреннюю благодарность В. Титову и И. Корюхиной, которые участвовали в сборе полевого материала и мысли которых, высказанные в частных беседах, я, возможно, использую в этой статье. Отдельное спасибо Т. Гребенчиковой, которая не раз делилась своими идеями по теме настоящей статьи и взяла на себя труд прочитать этот текст и убрать из него все бесконечные «таким образом» и «следовательно». Большую помощь в сборе количественных данных оказала нам М. Карелина из Самарского филиала Института сравнительных исследований трудовых отношений. Также хотелось бы поблагодарить С. Вольскую-Винборн и Б. Спектора, любезно разрешивших использование материалов, собранных в рамках финансируемых ими проектов. Отдельное спасибо Артему Космарскому, который взял на себя труд прочесть этот текст и отредактировать его.

Модель опривычивания коррупции в российском вузе

В этой части работы рассматривается ряд «идеальных типов» институционализации коррупции в отечественном высшем образовании (выделенных на основе уже упоминавшихся 60 интервью). Для иллюстрации каждого типа были выбраны наиболее

²⁰ Вопрос о том, насколько опросный инструментарий адекватен анализу коррупционных процессов, я бы предпочел оставить в стороне, тем более, что здесь он применяется только для квантификации качественно выработанных моделей.

²¹ Применялась пропорциональная территориальная выборка с маршрутным способом набора респондентов по квотируемым признакам (пол, возраст). Выборочная совокупность объемом 1200 человек обеспечила репрезентативность взрослого населения города. Стандартная статистическая ошибка выборки при этом составила +/-1,44%, предельная ошибка выборки +/-2,83% для уровня значимости 95% в самой малочисленной стратификационной группе. Опрос шел по стандартной анкете (52 вопроса, 241 переменная), подготовленной сотрудниками «Management System International».

²² В этом опросе применялась методика Л. Кессельмана (см.: Кессельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара, 2001), т.е. респонденты отбирались по квотируемым признакам (пол, курс обучения), а опрос шел на улице, рядом с вузами. Объект исследования – студенты восьми крупнейших иркутских вузов (80% студенчества города). Выборочная совокупность объемом 300 человек обеспечила репрезентацию генеральной совокупности. Стандартная статистическая ошибка выборки при этом составила +/-2,44%, предельная ошибка выборки +/-4,73% для уровня значимости 95% в самой малочисленной стратификационной группе. Опрос шел по стандартной анкете (22 вопроса, 41 переменная), подготовленной автором статьи.

яркие фрагменты из множества аналогичных интервью. Мы обращаемся к биографии не как к самоценному феномену, а как к источнику информации о некоем институте. Необходимо также отметить, что в рамках данной работы я рассматриваю не сами коррупционные интеракции в высшем образовании, а типичную роль, которую они играют в конкретной организации (вузе в целом, на факультете, кафедре). Эта роль формирует непосредственные механизмы институционализации, которыми, в свою очередь, определяется степень проникновения коррупционных механизмов в образование. Здесь я не разделяю два феномена – коррупцию при поступлении и во время обучения, поскольку оба они присущи одному и тому же институту.

Коррупция как система работы вуза

Интервью с мужчиной 24 лет. Форма обучения заочная.

В. (вопрос): *Расскажите теперь про то, как Вы дали взятку, как это получилось?*

О. (ответ): *Я на красный диплом закончил, учился всегда сам, но были моменты, где выучить все невозможно, не получается. Иногда приходилось разговаривать с преподавателями, чтобы они как-то маленько меньше вопросов задавали. Обговариваешь все эти дела – как бы нам экзамен сдать, чтобы там пятерка была, мне нужна пятерка, что для этого надо. Ну, некоторые говорят: надо учить; некоторые – можете оказать помощь кафедре, столы, стулья купить, и мы как бы вам поспособствуем в сдаче экзамена.*

В.: *Это была в основном материальная помощь для кафедры?*

О.: *Ну конечно, для кафедры – как они говорили [здесь и ниже подчеркивание мое – К.Т.], я же не знаю, куда это идет.*

В.: *Это были деньги на руки?*

О.: *Где деньги были, где доска, допустим. Деньги редко, я даже не припомню, чтобы на руки где-то давал. А, нет, было такое дело один раз. Преподаватель такой был. ...Он сразу говорит: «Вот, давай мне 600 рублей и мы это... У меня есть знакомый по черчению, они тебе начертят, ты мне 600 рублей дай, и я им отдам». Ну и все, я ему 600 рублей выкладывал, он в тумбочку задвигает, и все, в тумбочке деньжата копятяся.*

В первой части фрагмента мзда со студента описывается не как подношение лично преподавателю, а как «помощь кафедре» (факультету, университету и т.д.). Таким образом, **благополучателем в коррупционном взаимодействии заявляется не конкретный человек, но институт.** Это первый шаг к институционализации: совершение коррупционного действия не для себя, а для организации в целом.

В.: *Это вообще для вас было неприятно?...Неожиданно?*

О.: *Это как бы ожидажно-неожиданно, другого варианта-то не было там, если ты уже с преподавателем начинаешь разговаривать на эти темы – как бы тебе сдать экзамен полегче..., чтобы что-то не учить. Если начинаешь такие разговоры заводить и если он тебе конкретно ставит рамки какие-то, там, помощь для кафедры или что-то, если ты с этим не соглашаешься, то получается, что на экзамене ты попадаешь, влетаешь по самое первое число. Получается, надо идти. Ну конечно, когда суммы тебя не устраивали, приходилось разговаривать: ну, как-то дорого все это дело, не по карману, давайте поменьше сделаем.*

В.: *И как они реагировали?*

О.: *Некоторые – «иди, сдавай в платные конторы, там будет дороже». Не знаю, какие-то конторы есть в городе у нас, которые все эти курсовики чертят, которые стоят там 3–5 тысяч, у нас с преподавателем можно за полторы договориться. Смотри, говорит, выбирай сам, но они тебе начертят... если ты там деньги заплатишь, не важно, что ты сюда придешь, тут они и неправильными могут быть. То есть намекает, чтобы к нам все-таки обратился, а не в другие конторы. Тут нормально у тебя все будет, все зачтут, и будет здорово.*

Все, договариваешься либо покупаешь для кафедры принтеры или сканер, он пять тысяч стоит. Но это же непосильно, – «ну, давайте двое, трое человек, ищите».

Здесь мы видим, как институт коррупции **обретает принуждающую силу** через вытеснение альтернативных механизмов решения проблем во время обучения и удержание людей, однократно прибегнувших к нему. Например, альтернативная форма неформальной экономики – заказ чертежей в «конторах» по мере возможности пресекается.

Налицо и второй признак превращения «моральной экономики» в «теневую» – взаимные обязательства сторон определяются не «всеобщим умолчанием» (все знают, что и сколько стоит; все знают, кому и как надо заплатить, что при этом сказать), а нормальными договорными отношениями. Каждый раз надо в индивидуальном порядке договариваться, искать компромиссы, торговаться. Наблюдается переход от советской формы, близкой к блату, к коррупции в чистом виде, к формированию специфического «рынка»: **через возникновение переговоров о стоимости, через возможность регулирования цены.**

В.: *Если заходит разговор, то своими силами уже невозможно сдать?*

О.: *Нет, это возможно, почему нет, у меня так было. Я вначале договаривался с преподавателем, он согласился. ...Потом я не помню, что конкретно получилось, какие-то там нюансы возникли. И он все это дело отдает обратно тебе и говорит: «Сдавать будешь сам, мне от тебя ничего не надо». Тут уже остается только учить... Ситуации бывают разные, допустим, один преподаватель попросил кабинет в бильярдной сделать. Мы договорились с бильярдом, они туда пришли, а кабинет был занят – мы договорились с 8 до 11, а они пришли в 9 часов, других людей запустили. Ну и все, они пошли по другой дороге, все, от вас ничего не надо. И там уже находишь любых других знакомых преподавателей, любого знакомого, он говорит: «Да, я тебя уважаю, но я ему не поставлю, пускай сдает сам».*

...Бывает, группой собирают. Староста подходит к преподавателю и говорит, вот, моя группа будет сдавать у вас такого-то числа, как бы договориться с вами, чтобы двоек не было. Начинает с ним разговаривать, философствовать. Тот отвечает, что можно оказать спонсорскую помощь кафедре, там, собирать с каждого студента по 200 рублей. Староста приходит и говорит: «Кто будет определяться с преподавателем, по 200 рублей собирайте и мне сдавайте, я отнесу преподавателю, все, вроде, двойку не получите». Староста унес, фамилии написал – у преподавателя они лежат на экзамене. Подходят студенты, один сразу же садится, ему: «Как фамилия?» – «Петров». Он посмотрел список, фамилии нет: «Так ты не сдал...». И начинает всякую ерунду спрашивать, дополнительные вопросы ... может вообще спросить размер кирпича. Не знаешь? Ну иди, два, на пересдачу придешь. Бывает такое – внаглую. Потом уже такса будет больше раза в два, три. Все сдавали по 200 рублей, ты можешь 1000 отдать...

Как и любая система, коррупция, влияя на учебный процесс, формирует механизмы социального контроля и наказания отступников²³. Во-первых, ошибкой может оказаться несоблюдение каких-то правил ведения переговоров, нарушение технической части диалога или невыполнение самих обязательств (это возможно и в рамках моральной экономики). Однако вторая черта – отказ от самой неформальной интеракции как нарушение правил игры – свойство новой «теневой» экономики образования. **Системы социального контроля и принуждения касаются уже не только выполнения взятых на себя обязательств, но и готовности вообще вступить в неформальные отношения.** Не согласные с «правилами игры» подвергаются санкциям (в нашем случае – вынуждены сдавать предмет при «неблагоклонности» преподавателя). Однако это свойственно любой части системы и не говорит нам ничего о степени опривыченности явления. Но если для применения санкций (увеличения стоимости «услуги») достаточно того факта, что агент вступает в игру с опозданием, уже можно говорить о том, что **механизм опривычен, он становится неизбежным.**

В.: А как узнают, сколько стоит?

О.: Ну, сами же студенты ходят и договариваются; если курсовой проект – это дорогостоящее дело. Один пошел, договорился, сказал второму, на сколько он договорился, потом второй сказал третьему, и так все это разбредось. Вот этот преподаватель, допустим, берет 2 тысячи за курсовой проект, другой преподаватель за предмет 500 рублей берет. Это все расходится между студентами.

В.: То есть кто-то один рискнул тет-а-тет поговорить?

О.: Там не один. Допустим, со ста человек рискуют где-то 50 – точно разговаривают, а 50 человек сами хотят. Так и разносится все: я подходил, он столько-то сказал, я подходил, он столько же. У них определенная такса, наверное, есть. За курсовик столько-то, но его еще надо защищать, за защиту – столько-то денег берут, чтобы не защищать его, а так, чтобы сразу поставили тебе оценку. Чтобы тройку поставили – 500 рублей, допустим; чтобы пятерку – 1,5 тысячи надо заплатить, там всякие разные варианты. Иногда курсовик дают тебе с прошлых лет, говорят титульный лист переделать, и все пойдет. Или сразу договариваешься: мне нужен курсовик, защита и оценка, такса такая-то.

Основой жизнедеятельности любой системы, и в особенности системы экономической, является социальное знание. Я должен знать, что *А* является объектом купли-продажи или обмена, расплачиваются за него югославскими динарами и борзыми щенками, а стоит желаемое не более 100 динаров или 10 щенков. Только тогда становится возможной экономическая интеракция. **В системе высшего образования сформировался явный рынок, и оценка (зачет) в полной мере стала товаром.**

Впрочем, для нашего информанта этот механизм еще переживает стадию легитимации. Сохраняется «смущение» агента, жива память о других путях – возможно, система еще не окончательно вписана в повседневность. Тем не менее, сомнения в правильности собственного поведения уже не влияют на стратегию студента: действие уже легитимно, но дискурса о нем еще нет.

Коррупция поневоле

Логично, что принуждающая сила коррупционных механизмов затрагивает обе стороны – не только студентов, но и преподавателей.

²³ По П. Бергеру и Т. Лукману, контроль – признак и часть институционализации, а последняя невозможна без системы социального контроля [см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 104–105].

«Первый раз ко мне подошла преподавательница, которая в свое время в другом месте вела у меня математику, соответственно с другой кафедры она. И сказала, что у меня в группе заочников такой-то и такой-то заочник, и какая мне разница, не поставила бы я ему зачет. Это не вызвало у меня никаких эмоций противоречивых, это достаточно уважаемая женщина, у которой я занималась, и поэтому мне было сложно отказать, и как-то не пришло в голову, ну, подумаешь, заочником больше, меньше. Я ему поставила зачет без проблем» [женщина 30 лет, преподаватель].

В данном случае работает моральное принуждение («я когда-то у нее (с ней) училась...») и другие аргументы, основанные на идее о том, что оценка – мелкая услуга, в которой нельзя отказывать друзьям. Однако, как следует из массива интервью, такой вариант не единственный и даже не основной. Во время приемных экзаменов, да и в самом процессе обучения в игру вступают всякого рода внешние по отношению к вузу агенты (мэрия, областная администрация и т.д.) или же, что еще интереснее, агенты внешние для конкретной приемной комиссии (ректорат и т.д.)²⁴. Тут стоит еще раз напомнить, что с точки зрения анализа феномена мы не различаем коррупцию при поступлении и коррупцию при обучении.

«Мои коллеги к этому относятся по-разному, скажем, двое коллег на кафедре (у нас дамская кафедра) имеют благополучные семьи и хорошо зарабатывающих мужей, им это просто не нужно. Можно играть в принципиальность. Тем не менее, когда приходит главный бухгалтер и просит тебя поставить, то ты все равно не откажешь, потому что останешься без командировочных, или у тебя переведут зарплату на депонент на два дня раньше, или еще что-нибудь. Или, если приходит кто-нибудь из хозчасти, а ты живешь в университетском общежитии и не поставишь, то, например, у тебя в комнате не будет ремонта никогда в жизни. Масса способов воздействия».

Таким образом, в рамках рассматриваемой нами «идеальной модели» даже в тех случаях, когда коррупция носит характер эпизодический, а не системообразующий, каждый конкретный вуз имеет очень небольшой запас коррупциостойчивости. Отсюда следует, по моему мнению, что при должном внешнем давлении или после небольших внутренних пертурбаций эта практика легко может войти в норму, поскольку внутренних барьеров, которые могли бы ее остановить, практически не осталось.

Коррупция как случайность

«У нас этот предмет велся только один год, физкультура была, в первом семестре все было нормально, хорошие взаимоотношения с преподавателем. Добренький, хорошенький. На втором семестре было несколько пропусков, у меня и еще у нескольких человек. В конце семестра преподаватель так и сказал: “Вы сами понимаете, у вас пропуски, я не могу вам просто так поставить зачет. Либо вы будете отрабатывать, но это ни мне, ни вам не надо...” Каждый, у кого были пропуски, должен для кабинета физкультуры купить канцелярские принадлежности. В среднем это была пачка мультифор [прозрачных тонких папочек для бумаг с отверстиями для крепления] полная, 100 штук, с товарным и кассовым чеками. Товарный и кассовый нужны обязательно для отчетности. Ну и было порядка 10 человек, у кого были пропуски, и каждый приносил. Кто не приносил, он говорил: “Нет, пока не принесете, зачета не будет”» [студент 20 лет, очная форма обучения].

²⁴ Феномен «ректорских списков» – пожалуй, единственная часть коррупционного механизма, которая в отечественной дискуссии разобрана достаточно тщательно. Подробнее см.: Высшее образование в России: правила и реальность. С. 183–201.

Описывается один из типичных коррупционных механизмов. Однако весьма небольшая сумма (пачка файлов стоит около 100 руб.), оборот «только один год», оправдательные интонации всего монолога говорят нам о том, что рассказываемое **событие не является частью повседневной жизни информанта и запомнилось своей исключительностью**. Посмотрим, как студент сам относится к этому событию.

В.: *А какие были переживания, или восприняли это как нормальную практику?*

О.: *Да нет, обидно было. Ходил, ну всего пропустил три или четыре занятия, при этом довольно неплохие результаты – участвовал в олимпиаде между факультетами внутри университета, был в команде. И после этого, когда у нас были хорошие отношения с преподавателем, казалось, может эти прогулы скостить... Неприятно было.*

В.: *А не было желания просто отработать, не идти на эту просьбу-требование?*

О.: *Ну, преподаватель сам не хотел, чтобы кто-то шел туда. К тому же начиналась сессия, не было времени отрабатывать... Трудовая отработка – это довольно грязная, долговременная работа. И в начале сессии на это времени не было.*

В.: *Но по идее мог?*

О.: *Ну да, мог, если было бы свободное время и возможность... Можно было. Но я думаю, что с преподавателем тогда отношения ухудшились бы.*

Итак, **событие не кажется нормой, не возникает уже виденных моделей оправдания «все так делают» и «по-другому – никак»**. Этот случай типичен для второго полюса оппозиции «система – случайность». Приведу второй пример из этой же группы.

«Участвовал я только в одной ситуации по этому поводу. Было интересно, просто самому интересно было. Точнее, не то, что лень было сдать, предмет был совершенно не нужный для нас. Предыдущий курс нам сказал, что человек выпивает и берет взятку, соответственно, алкоголем. В нашей-то группе ну никто взятки не дает. Был у нас один профессионал по этому делу, и после этого я понял, что дача взятки – это очень тонкая наука. Был куплен алкоголь, по-моему, две бутылки водки и бутылка коньяка, но это было от пятерых человек, и закуска – нарезка, мясо. Потом полдня мы за ним бегали, пытаюсь выяснить, когда он останется один, потом, вроде, он зашел к себе в кабинет, мы тоже туда зашли. Главное, никаких намеков, что он берет взятки, не было до последнего момента. “А где ваши работы?” “Вот”, – показываем ему. Ну, хорошо, принимает, ставит зачет, и мы уходим. Вот единственное, что у нас было. Но больше нервов, честно говоря, истратили, можно было сдать просто так этот зачет. Потому что нервничаешь, бегаешь, дрожишь, страшно... Сдали ему простым путем, по-моему, очень мало народу. Обычно как, преподаватель понимает, что это профильный предмет, и не берет взятки. По профильным предметам, которые у нас ведутся, – нет, ни в коем случае. С другой стороны, если это непрофильный предмет, который нужен только для галочки, который даже в аттестате не будет указан, то такие предметы – да, там взятки идут» [студент 22 лет, очная форма обучения].

Представлен еще один вариант знания о коррупции как о случайности и соответствующий рассказ о ней. Акцентируется любопытство, «смешные» стороны ситуации, «непрофильность» предмета и т.д. **По сути, это не описание некой системы, а своего рода анекдот, который можно рассказать в кругу друзей.**

Таким образом, на одном полюсе коррупция является системообразующим элементом процесса обучения, на другом коррупционные случаи редки и воспринимаются как нечто в высшей степени случайное (вузы, в которых коррупции нет вовсе – если такие существуют, – по понятным причинам не попали в фокус данного исследования). Возникает естественный вопрос: насколько вузы второй категории устойчивы к коррупции, до какой степени они способны сопротивляться в тех ситуациях, когда некие внешние или внутренние факторы

(администрация города/области, промышленные предприятия, ректорат, деканат, профком и т.д.) вынуждают их перестраиваться. Иными словами, когда «внешним» для вуза институтам понадобится, чтобы система стала коррумпированной? Долго ли она сможет продержаться, если появятся (или усилятся) внешние или внутренние агенты, кровно заинтересованные в коррумпированности системы?

Разумеется, все вышеизложенные соображения не могут служить «диагнозом» системе образования в целом. Я попытался наиболее ярко обрисовать «идеальный тип» предельного опривычивания коррупции в высшем образовании. Благополучателем объявляется не человек, а институт, который своей символической властью легитимирует происходящее и дает агентам право карать отступников; на основе повседневного знания (но с минимизацией элементов классической моральной экономики) формируется полноценный рынок оценок и зачетов в конкретном учебном заведении.

Таким образом, условием успешного обучения далеко не всегда является наличие знаний. Им становятся деньги и умение выживать на рынке оценок, что, по моему мнению, может привести к изменению типа вертикальной социальной мобильности (обеспечиваемой вузами) – от подтверждения «правильных» знаний и «правильной» социализации²⁵ к подтверждению финансового багажа и некоторого финансового же «запаса прочности» вкупе с навыками игры в поле «серой» или «черной» экономики.

Коррупционная активность студенчества. Отношение к коррупции

В этой части статьи я хотел бы на материалах опросов показать, что коррупционные механизмы в высшем образовании распространены достаточно широко и описанные выше ситуации – далеко не проблема какого-то конкретного вуза²⁶.

Как уже сказано выше, всякий рынок начинается со знания о его возможностях. В этой связи любопытно отметить, что 79% респондентов (опрос студентов) дали однозначно положительный ответ на вопрос: «Слышали ли Вы о коррупции в иркутских вузах?». В целом же респонденты узнавали о коррупции преимущественно от своего окружения и СМИ (см. рис. 1).

Абсолютное большинство респондентов сослалось на «повседневные» источники информации – это знание так или иначе актуализировано, становится частью обыденной жизни, что подтверждается нашими данными о коррупционном опыте студентов. Среди населения Иркутска в целом подобный опыт имеют 22,5% респондентов, а среди студентов, по данным «большого» опроса, – 32,4%. Согласно «малому» (только студенты) опросу, коррупционный опыт можно разделить на следующие категории: 29% от общего числа упоминаний – поступление в вуз; 59% – обучение в вузе и только 12% – вневузовский опыт.

О движении к модели институционализации коррупции в той или иной форме говорят следующие цифры: нормальным явлением коррупцию в вузах считают 31,7% участников «малого» опроса, а 39,3% характеризуют ее неизбежное явление. При этом 68,7% опрошенных студентов готовы дать взятку в случае необходимости.

²⁵ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал, 1999. С. 420.

²⁶ Более подробно количественную оценку см.: Сатаров Г. Коррупция в современной России. По его данным, коррупционный рынок высшего образования – самый емкий в стране, его объем составляет примерно 0,5 млрд. долл.

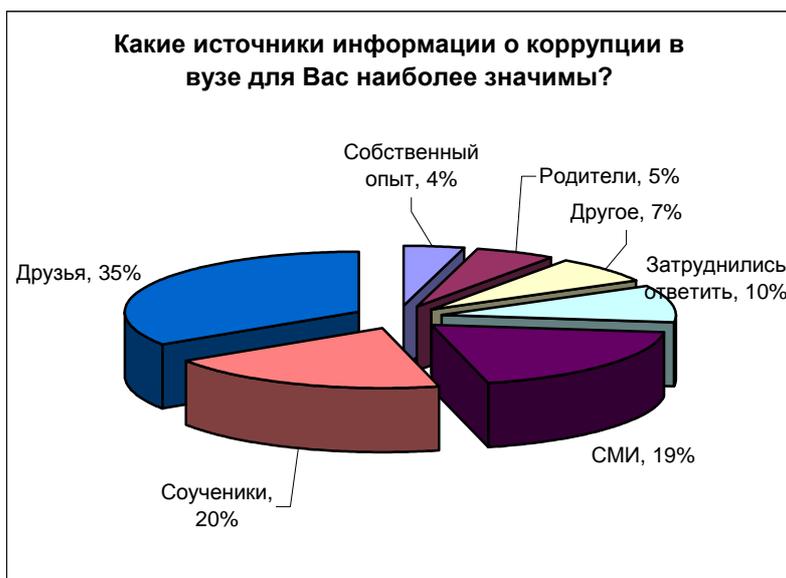

Рис. 1. Наиболее значимые источники информации о коррупции в вузе

Говоря же об основных акторах коррупционного взаимодействия, сами студенты в «малом» опросе выделяют две наиболее заинтересованных стороны: себя (31%) и преподавателей (29%), причем собственную заинтересованность оценивают несколько больше. Однако эта разница находится в пределах стандартной ошибки (см. рис. 2).

Рис. 2. Стороны, наиболее заинтересованные в коррупции

Кто же, по мнению участников того же «малого» опроса, является инициатором конкретных коррупционных взаимодействий? На первом месте – студенты (42%), на втором – преподаватели (36%), однако разрыв между ними уже вполне значим (рис. 3). Обе стороны в равной мере заинтересованы, но инициатором чаще выступает студент.

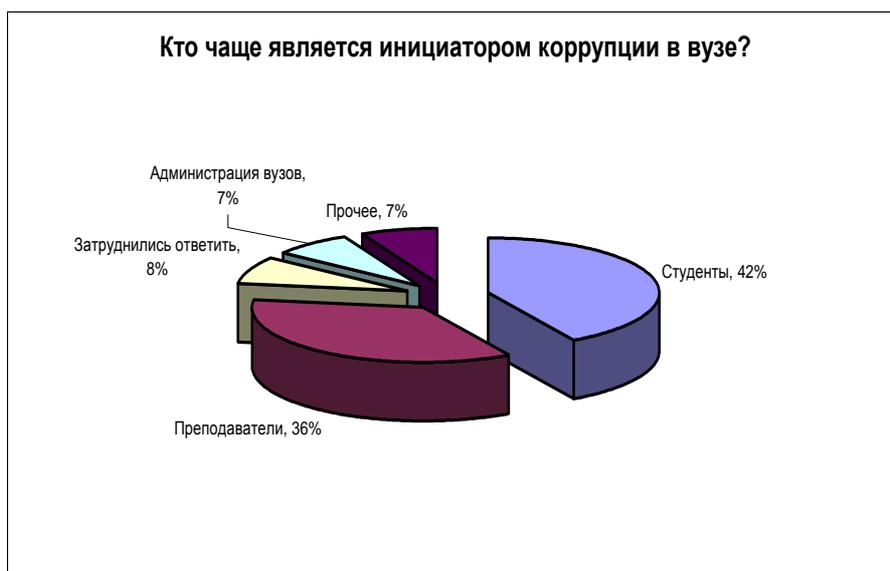

Рис. 3. Инициаторы коррупции в вузе

Интересно сравнить, насколько же отличаются студенты («малый» опрос) от остальной массы населения («большой» опрос). Ведь опривычивание коррупции – явление, кажется, повсеместное, захватывающее многие сферы нашей жизни.

В том, что касается системы образования, студенты, безусловно, выступают своего рода «экспертами», но экспертами, настроенными крайне пессимистично. Так, в ответ на вопрос о том, насколько распространена коррупция в системе высшего образования, 50% студентов отметили, что коррумпировано в этой сфере «большинство чиновников» или даже «все». Картина же в целом по городу такая: только 35,5% респондентов выбрали опцию «большинство чиновников» или «все». Близкая ситуация и с вопросом, сформулированным следующим образом: «Как изменился уровень коррупции в высшем образовании за последние два года?» Из студентов (по результатам «большого» опроса) 54,5% считают, что ее уровень увеличился, из остальных опрошенных их поддерживают только 42,8%. В то же время общим пессимизмом по поводу коррупции студенты не страдают. Впрочем, цифры говорят лишь о распространенности коррупции (реальной или репрезентируемой студентами) в системе высшего образования, но никак не о ее опривыченности. Завершая картину, стоит отметить, что по данным «большого» опроса 29% студентов сами предлагали взятки в вузах (среди остальных категорий населения это приходилось делать лишь 16,7%), но только у 18,5% студентов взятку вымогали (среди других респондентов таких 17,9%).

Ответы на вопрос «Насколько можно оправдать коррупцию?» (здесь и далее речь о «большом» опросе) показывают именно оценочное восприятие феномена респондентами. Из числа студентов «всегда» или «иногда» оправдать коррупцию готовы 43% опрошенных, а в целом по городу – лишь 27,2%. Также более искушенными оказываются студенты и в области коррупционных взаимодействий. Такой опыт имеют 32,4% из них и лишь 19,3% респондентов, представляющих остальные группы населения.

Коррупционная ситуация не вызывает у студентов желания противодействовать ей легальными методами. Если в целом о фактах коррупции заявляли в органы правопорядка 3% опрошенных, из студентов же – менее 1%, хотя коррупционный опыт у студентов, как правило, больше среднего по городу.

Таким образом, из приведенных данных можно сделать три вывода: 1) в коррупционные механизмы в вузах студенты включены более, чем в других сферах жизнедеятельности; 2)

они являются одной из самых коррупционно-активных групп населения, 3) будучи при этом очень терпимыми к явлению и редко сообщаящими о нем в правоохранительные органы.

Заключение

Отвечая на поставленные в начале статьи вопросы, можно выдвинуть несколько основных тезисов²⁷. Во-первых, коррупция в высшем образовании медленно, но верно опривычивается, становится неотъемлемой частью системы с точки зрения основного потребителя ее услуг, студентов, причем благополучателем в коррупционных взаимодействиях начинает выступать не конкретный человек, но институт как таковой. Это может быть названо легитимирующей мифологией, но, как известно, именно с мифологии начинается стабильный легитимирующий механизм²⁸. Кроме того, возникает система социального контроля, карающая не встроившихся в коррупционные взаимодействия игроков на поле высшего образования. Коррупционные отношения проникают практически повсеместно; возникает своего рода рынок, на котором в обмен на деньги или равноценные блага можно получить оценку и в конечном счете диплом.

Во-вторых, даже в тех случаях, когда коррупция не становится системообразующим фактором в конкретной организации, зарождающаяся система, уже ушедшая от реалий прошлого, но еще не пришедшая к модели «рынка в чистом виде», оказывается незавершенной. Уйти назад такая организация уже не может, зато двинуться вперед, к коррупционной модели, ей мало что мешает; сдерживающие барьеры кажутся чрезвычайно слабыми, способными легко сломаться под натиском внешних факторов.

В-третьих, коррупционные отношения заставили большую долю студентов переориентироваться на них как на основную модель жизни в вузе. Это может привести к тому, что приобретаемая здесь коррупционный опыт в качестве базовой модели работы, современный студент легко перенесет его в завтрашнюю жизнь вне сферы высшего образования.

Выдвину гипотезу, которая, на мой взгляд, неплохо объясняет полученные данные. У высшего образования «старого образца» было две глобальных социальных функции: «правильная» социализация и передача структурированного профессионального опыта²⁹. Вместе они обеспечивали феномен «социального лифта». На сегодняшний день выполнять вторую функцию российское высшее образование почти не в состоянии. Многие профессии сильно трансформировались, появились принципиально новые специальности и программы, а преподавательский состав зачастую не отвечает сегодняшнему уровню требований³⁰. Разумеется, здесь и далее я имею в виду не «флагманы высшего образования», а «средний провинциальный вуз». Первую из названных функций вуз также выполняет весьма условно,

²⁷ Оговорившись, что, поскольку нет сведений, позволяющих предполагать принципиально иные модели опривычивания коррупции в других регионах, я буду говорить здесь об общероссийской перспективе, хотя исследование проводилось на примере Иркутска.

²⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 136–138.

²⁹ А.Ф. Филиппов в статье «Утопия образования» [Отечественные записки. 2002. № 2. <http://www.strana-oz.ru/?ozid=3&oznumber=2>] видит «социальный лифт» как третью функцию образования, но я позволю себе выделить его отдельно.

³⁰ Было бы неправильным считать, что это относится преимущественно к гуманитарным специальностям. Для экологов, геологов, менеджеров большая часть современных вузов может предложить только откровенно устаревшие программы и преподавательский состав, который просто не представляет себе современной технической оснащенности, литературы, уровня работы.

поскольку стабильно падающая посещаемость, отсутствие тотального контроля, исторически растущая доля городских студентов, не живущих в общежитиях, и, главное, – десакрализация высшего образования влекут за собой снижение авторитета вуза, разрушая его как среду социализации.

Феномен же «социального лифта» изрядно трансформируется. Он становится скорее «социальным фильтром». Соответственно, если фильтр работает по формальным признакам (диплом), то ответ студентов – формальное получение диплома. Именно там, где появляются социальные или правовые ограничения (прописка, справка о здоровье и т.п.), и возникает коррупционная схема. Иначе говоря, механизм социального контроля выхолащивается, и на его месте формируется механизм рыночный, работающий уже не на воспроизводство традиции, а на сокращение издержек при преодолении социального фильтра. Именно это происходит с системой высшего образования в современной России. Еще раз подчеркну, что изложенное выше – не более чем гипотеза для полемики.

В завершение хотелось бы отметить, что темой дальнейших исследований, вызывающей большой интерес в свете уже сделанного, являются непосредственные механизмы опривычивания коррупции в высшем образовании.